

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ОДРИ КАРЛАН

CALENDAR GIRL

*Никогда
не
выбываю!!!*

18+

ФЕВРАЛЬ

Calendar Girl

Одри Карлан

**Calendar Girl. Никогда
не влюбляйся! Февраль**

«АСТ»

2015

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)-44

Карлан О.

Calendar Girl. Никогда не влюбляйся! Февраль /
О. Карлан — «АСТ», 2015 — (Calendar Girl)

«Огромные двери открылись. Баньян поднял решетку и вытолкнул меня в помещение, больше всего смахивающее на обширный склад. Балки и ничем не прикрытые трубы виднелись не менее чем в семи метрах над бетонным полом. Повсюду сновали люди, причем половина из них была голой. Во что, черт возьми, я впуталась?..»

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)-44

Содержание

Посвящения	6
Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Одри Карлан

Calendar Girl. Никогда не влюбляйся! Февраль

Audrey Carlan
CALENDAR GIRL
February

Печатается с разрешения литературных агентств Bookcase Literary Agency и Andrew Nurnberg

© Calendar Girl – February by Audrey Carlan, 2015
Copyright © 2015 Waterhouse Press, LLC
© Зонис Ю., перевод, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Посвящения

Февраль

Джинанна Гудолл

Год назад я выпустила свой первый роман. И с тех пор ты была моим болельщиком, бета-ридером и фаном номер один.

Сейчас я горжусь тем, что могу назвать тебя другом.

Ты любишь моих персонажей так, словно они твои собственные, и помогаешь мне прочувствовать их.

У тебя множество способностей и талантов, и я рада, что ты делишься ими со мной. Любовь и свет.

Глава первая

Ржавая и гнутая решетка древнего лифта захлопнулась с громким лязгом под руками опустившего ее шофера. Сам шофер до сих пор не произнес ни слова, лишь поинтересовался: «Вы Миа?», когда я сошла с эскалатора в зоне выдачи багажа международного аэропорта СिएТЛ-Такома. Я решила, что могу без лишних опасений следовать за ним, поскольку он держал в руках табличку с моим полным именем, а еще потому, что, по словам тетушки Милли, к следующему клиенту меня должен был доставить младший родственник гигантского дровосека из сказок. «Гигантский» в данном случае не было преувеличением, и дело не в росте. Парень оказался всего на пяток сантиметров выше меня, но то, что он недобрал в росте, полностью компенсировалось шириной. По-моему, он смахивал на профессионального борца или одного из этих накачанных культуристов.

Лифт поднялся на десятый этаж. Кабина дико закрипела и, дернувшись, остановилась, швырнув меня на младшего братишку Поля Баньяна¹. Тот был словно каменная стена – даже не вздрогнул, когда я влетела в него, только заворчал по-звериному. Огромные двери открылись. Баньян поднял решетку и вытолкнул меня в помещение, больше всего смахивающее на обширный склад. Балки и ничем не прикрытые трубы виднелись не менее чем в семи метрах над бетонным полом. Повсюду сновали люди, причем половина из них была голой.

Во что, черт возьми, я впуталась?

Щелкали камеры, рефлекторы и софиты перемещались по залу на колесных тележках, а я стояла в дверях, пытаюсь понять, что тут вообще происходит. Баньян поставил мою сумку у стены и ткнул пальцем в сидевшего на корточках человека, прилипшего лицом к фотоаппарату.

– Мистер Дюбуа, – пророкотал он, после чего неожиданно повернулся и скрылся в том самом лифте, из которого мы только что вышли, предоставив меня самой себе.

– Немногословный мужчина, – заметила я и медленно выдохнула.

Я понятия не имела, что делать. Сидеть в сторонке и ждать, пока кто-то ко мне подойдет, – в надежде, что этим кем-то окажутся не обнаженные мужчины и женщины, рассыпавшиеся по залу, – или оторвать от дела человека, увлеченно снимавшего что-то, чего я не видела?

Вместо того чтобы ждать, я решила пройтись и получше все рассмотреть. Это был лофт открытой планировки, но не жилой. В правой стене виднелся ряд разошедшихся окон. Некоторые были приоткрыты снизу, остальные плотно закрыты. Похоже, для того, чтобы их открыть, требовалась специальная ручка – это показалось мне невероятно классным и старомодным. Голые и полуголые женщины мерили меня взглядом, проходя мимо и направляясь к огромному белому холсту. Они не позировали по-настоящему – просто замирали перед холстом в разных положениях, в то время как ассистенты в черном придавали их фигурам большую завершенность, то чуть сдвигая локоть моделей, то отодвигая ногу в сторону. Затем ассистент отходил на пару шагов, делал фотографию, и все начиналось заново. Снова небольшие поправки и очередной снимок. Это выглядело откровенно странно.

Я перешла в другую зону, где обнаженная пара лежала на большом куске белого холста, по меньшей мере три на три метра. Один из ассистентов взобрался на невысокую лесенку с платформой как раз над телами моделей и методично поливал каждый сантиметр их кожи ярко-синей краской.

¹ Гигантский дровосек, персонаж американского фольклора.

– Не шевелитесь! – вопил он. – Нам придется начинать все с начала, и это не понравится мистеру Дюбуа.

Голая парочка застыла, намертво сцепившись. Руки женщины обвились вокруг шеи мужчины, словно она собиралась поцеловать его. Мужчина тоже обнимал партнершу – одна рука на ягодице придерживала ее ногу над его бедром, а вторая лежала на затылке женщины.

Краска капала с их ног и размазывалась по холсту круглыми пятнами.

– Не двигаться, – снова предупредил ассистент.

Меня так захватила эта необычная сцена, что я не замечала, что ко мне подошли сзади, пока чья-то рука не отбросила волосы с моей шеи.

– Совершенство, – шепнули мне на ухо, и чьи-то губы прижались к обнаженной коже там, где шея переходит в плечо.

Я рефлекторно отшатнулась, не глядя, куда наступаю, просто стараясь отодвинуться подальше от прикоснувшегося ко мне незнакомца – и тут же наткнулась на что-то позади меня. Не успела я обернуться, как ботинок зацепился за край холста, и я врезалась прямоком в платформу, где стоял раздраженный ассистент с краской. Тут-то и начался настоящий хаос. Мужчина с ведром полетел вперед, и липкая краска выплеснулась ярким фонтаном, прежде чем разлиться по холсту и покрывающему пол брезенту. Парочка внизу, должно быть, успела заметить приближающуюся катастрофу, потому что мужчина откатился с голой красоткой в сторону с таким проворством, словно проходил армейскую тренировку в боевых частях. Он избежал столкновения с ассистентом и не попал под дополнительную струю краски, а также сумел в последний момент увернуться от платформы, которая чуть на них не грохнулась.

Мне повезло меньше.

Когда я начала падать назад, второй каблук пробил толстый холст и застрял в нем, а меня качнуло в противоположном направлении. Лодыжка больно подвернулась, и, вскрикнув, я пропахла носом лужу синей краски и ошметки холста.

– Боже правый!

Мужчина, от которого я пыталась отскочить, вступил в эту кучу-малу и поднял меня за подмышки. В его золотисто-карих, завораживающих глазах вспыхнула тревога. Тонкие морщинки в уголках глаз выдавали его возраст – по крайней мере лет на десять старше меня. Каштановые волосы с натуральными золотистыми и рыжими прядями были собраны на затылке в небольшой узел. Точеную челюсть и пухлые губы обрамляли идеально подстриженные борода и усы. Я никогда еще не встречалась с бородатым мужчиной, но сейчас, стоя перед этим человеком и чувствуя, как сильные руки прижимают меня к высокому и мускулистому телу, уже не могла вспомнить почему. Он был просто отпад. Напоминал Бена Аффлека, только на порядок сексуальней.

– Я не хотел тебя напугать. Просто увидел, как ты стоишь тут, такая красивая, намного красивей обычной модели. Я просто обязан был прижать губы к твоей золотистой коже. Ты, конечно же, *Моя Миа*, – восхищенно произнес он.

Его карамельный взгляд пристально изучал мои черты, от кончиков волос до ботинок на высоких каблуках. Я готова была избавиться от этих ботинок в ту же секунду, когда смогла бы наконец-то скинуть их со своей стремительно опухающей лодыжки.

Я для пробы наступила на пятку поврежденной конечности. Боль пронзила голень и прострелила всю ногу. Я вскрикнула и схватила мужчину за предплечья, вонзив в его тело ногти.

– Ох, ты и в самом деле поранилась!

– Вы так полагаете? – съязвила я, закатив глаза.

Подхватив меня длинными руками под колени, мужчина поспешно ринулся к софе с выгнутой спинкой. Только это была не современная софа – ее спинка была выше с одного конца и ниже с другого, так что диванчик напоминал ту мебель, которая встречается в старых

романтических фильмах и на которой так удобно падать в обморок отчаявшимся девицам. Рука на лбу, трепетный вздох, и дева оседает на подушки. Что касается меня, то я скрипела зубами и готова была покусать любого, кто притронется к моей ноге.

– Я позову врача! – сказал один из вездесущих людей в черном незнакомцу, который, как я поняла к тому времени, и был моим клиентом.

– Нет, *ce n'est pas nécessaire*², – быстро выпалил он по-французски.

Затем, впившись в меня взглядом, он добавил:

– Свяжись с ЗВ. Она врач и мой друг.

– С тобой все будет в порядке, Миа, – уверил меня мой спаситель.

Когда он заговорил с этим легким акцентом, я действительно чуть не потеряла сознание – между бедер все сжалось. Мужчины с акцентом убийственно сексуальны. С другой стороны, может, у меня все сжалось от боли, терзавшей ногу. Хотя я ничуть не сомневалась, что виноват акцент.

Не прошло и нескольких минут, как в комнату ворвалась миниатюрная женщина с чем-то вроде старомодного докторского саквояжа в руке. Представившись, она помогла мне снять ботинок, не потревожив ногу. Она просто творила чудеса. Пока врач ощупывала мою лодыжку, я услышала, как у меня за плечом громко хмыкнули. Я оглянулась на своего клиента, которого, как мне было известно, звали Алеком Дюбуа, хотя мы еще не успели обменяться любезностями.

– Что?

– Твои носки. Они просто очаровательны, *ma jolie*³, – закончил он по-французски.

Прозвучало это чертовски соблазнительно, но только еще больше разозлило меня – ведь я понятия не имела, что он сказал. Может, это означало «растяпа» или «дурында», мне никогда не узнать. Я опустила взгляд на свои рождественские носки, а затем взглянула на врача. Уголки ее губ изогнулись вверх, однако женщина с профессиональным спокойствием завершила осмотр моей лодыжки. Она мне понравилась; что касается сексуального французского фотографа, жюри присяжных еще не вынесло окончательный приговор.

– Что ж, перелома нет. У вас легкое растяжение. Я сделаю перевязку, но постарайтесь как можно меньше наступать на эту ногу. И через пару недель будете как новенькая. Надо дать ноге отдых, прикладывать к ней лед, поднимать выше уровня сердца и перевязывать. И я бы посоветовала вам достать костыли, – сказала врач, и мои плечи обреченно поникли.

Я ненавидела костыли. Весь мир ненавидит костыли. Они отстойны. Невероятно. Мне вовсе не улыбалась перспектива растертых до крови или украшенных синяками подмышек в дополнение к растянутой лодыжке, особенно на новой работе. Возможно, мистер Дюбуа захочет возместить расходы за неудачное приобретение. На секунду меня охватила паника при мысли об отце и о том, чем платить Блейну в следующем месяце, если француз не захочет принять поврежденный товар.

– Я позабочусь о тебе, *ma jolie*. Тебе не надо ни о чем беспокоиться.

Алек присел рядом и покровительственно обвил рукой мою талию, придвинув меня ближе к себе – настолько близко, словно мы были знакомы много лет, а не пару минут. У него явно были проблемы с соблюдением границ личного пространства. Но при всем при том мне стало лучше, и я перестала бояться, что Алек отошлет меня домой.

– *Retournez au travail*⁴.

Отдавая этот недвусмысленный приказ, он снова взял меня на руки и поднял, словно я ничего не весила.

² Не нужно (*фр.*).

³ Красавица моя (*фр.*).

⁴ Возвращайтесь к работе (*фр.*).

– Что это значит? И что вы делаете?

Я вцепилась в его плечи, чтобы не упасть, пока он нес меня к лифту.

– Доставляю тебя домой, чтобы ты могла отдохнуть. Ты, вероятно, устала после поездки. А теперь, с больной лодыжкой, тебе надо полежать.

Он заботливо посмотрел на меня и добавил:

– А до этого я велел своей команде возвращаться к работе.

Теперь акцент француза стал заметней, но он явно много времени прожил в Штатах. Его английский был практически безупречен.

Я фыркнула, но продолжала цепляться за него.

– Все так странно. Прошу прощения за картину и за этот бардак, но теперь я растянула лодыжку, а предполагалось, что я буду какой-то там потрясающей музой.

– Ох, но ты и есть *spectaculaire*⁵, прекраснейшие черты и лицо с идеальной зеркальной симметрией, – сказал он так, словно сообщал мне невероятную новость, хотя я толком ничего не поняла.

– Я не знаю, что вы имеете в виду под «зеркальной симметрией», – ответила я, тряхнув головой.

Один из людей в черном из команды Алека шагнул за нами в лифт, держа в руках мою единственную сумку, и нажал кнопку двенадцатого этажа, самую верхнюю на панели. Мистер Дюбуа так и оставил без внимания мое замечание. Мы вышли из лифта, и он внес меня на руках в еще один просторный лофт. Этот был того же размера, что и помещение на десятом этаже, но оснащен кухней, жилой зоной и лестницей, очевидно, ведущей в спальню. Стен здесь не было, не считая одного уголка с дверью. Если бы я была склонна заключать пари, а это так и есть – ведь папа научил меня всему, что знал об игре, – то я бы поспорила, что вышеупомянутая дверь ведет в ванную.

Алек донес меня до двери, и да, за ней была ванная. Когда он опустил меня на пол, я допрыгала на одной ноге до раковины. Из ниоткуда возникла моя сумка, и Алек, порывшись в ней, извлек футболку и пару пижамных шортиков.

– Надень это, а я принесу пакет для твоих вещей.

Через пару секунд он вернулся и протянул мне мусорный пакет.

– С тобой все будет в порядке? – спросил Алек, взявшись за дверную ручку.

– Все будет нормально. Благодарю вас.

Я чувствовала, как горят мои щеки, когда он прикрыл дверь.

Тупая, тупая, тупая разиня! Я как можно быстрее избавилась от заляпанных краской джинсов и блузки и натянула на себя футболку и шорты. Покончив с этим, я смыла с себя все видимые пятна краски. Мне требовалось как следует постоять под душем, но сейчас важнее было утрясти все дела с клиентом, выяснить, в каком он настроении и не сердится ли на меня.

Стоило мне открыть дверь ванной, как стоявший за ней Алек снова подхватил меня на руки.

– У-у-уф! – охнула я.

Он пронес меня через комнату и усадил на секционный диван, обтянутый бархатом самого глубокого бордового цвета, известного человеку. Обивка была такой темной, что казалась почти черной, но если провести по ней пальцем, ворс сминался, окрашиваясь в намного более светлый баклажанный оттенок. Как только я устроилась поудобней и положила ногу на оттоманку, стоявшую перед диваном, Алек и сам уселся на оттоманку и водрузил мою больную лодыжку себе на колени. Нагнувшись, я сжала голень руками. Было не очень понятно, как поделикатней отнять у него мою ногу.

⁵ Эффектная, потрясающая (*фр.*).

– А теперь что касается зеркальной симметрии...

Кивнув, я прикусила губу. Подняв руку, Алек провел пальцем по моему лицу, ровно посередине – от линии волос, по лбу, носу, губам и наконец остановился на подбородке. По моему телу от этого горячего прикосновения пробежала дрожь. Или, может, все дело было в его обжигающем взгляде – он смотрел так, как будто я была самой прекрасной женщиной в мире. Уэс смотрел на меня так же. Черт, рядом с Уэсом я *чувствовала* себя такой. Я ощутила укол вины, но быстро отмахнулась от нее. Мы с Уэсом не были парой. Друзья и секс по дружбе – несомненно... плюс надежда на большее. Однажды. Возможно. Но не сегодня.

– Если разрезать твое лицо пополам, – он снова провел по моему лицу подушечкой пальца, глядя на меня, как загипнотизированный, – то каждая сторона будет зеркальным отражением другой.

– Как и у всех остальных, – нахмурилась я.

Алек положил руку мне на щеку. Длинные пальцы, пробившись сквозь путаницу темных локонов, обхватили затылок.

– Да, *ma jolie*, но они не будут полностью симметричны. А твое лицо – *совершенство*. Обе половинки одинаковы. Одна не хуже и не лучше другой. Это необыкновенно. Поразительно. Ты уникальна.

Лицо Алека придвинулось ближе, и его губы прижались к моей щеке в теплом поцелуе.

– Завтра мы начнем работать, *oui*⁶? Сегодня ты отдыхаешь.

Он водрузил на оттоманку подушку и переложил на нее мою распухшую ногу.

– А теперь я должен потрудиться, – сказал он и энергично вскочил, уже захваченный предстоящими ему делами.

Интересный тип этот Алек Дюбуа.

* * *

Всю вторую половину дня я, так и не решившись подняться по лестнице на одной ноге, хромала по комнате и дремала на кушетке. Еще я позвонила своей лучшей подруге Джинель и связалась с тетей Милли. И Джин, и тетя Милли чуть не лопнули от смеха, услышав, как я вывихнула лодыжку и застряла тут, полностью во власти сексуального французского художника. Джин назвала меня везучей сучкой, а тетя Милли просто завершила звонок словами: «Развлекайся в свое удовольствие, куколка».

Дверь лифта звякнула, и я услышала металлический скрип поднимающейся решетки. Сидя на кушетке, я не могла разглядеть, кто пришел, но долго ждать мне не пришлось. Алек пересек комнату размашистым шагом, с костылями в одной руке и белым пакетом для еды на вынос, источавшим восхитительный аромат китайской кухни, в другой. Алек без промедления выложил еду на кофейный столик, прислонил костыли к кушетке, а затем уселся рядом со мной.

Прежде чем я успела открыть рот, он обхватил ладонями мою шею так, что большие пальцы прижались к щекам, и поцеловал меня в обе щеки. Его губы были теплыми, и я чувствовала их прикосновение еще долго после того, как Алек отодвинулся, чтобы взглянуть мне в глаза.

– Как ты, *ma jolie*?

– Э-э... наверное, в порядке, – заморгала я, и он улыбнулся. – Что означает «*ma jolie*»?

Губы Алека поползли вверх. Склонив голову набок, он сжал пальцами свесившуюся мне на лоб прядь волос и заложил за ухо. Воздух вокруг нас сгустился, наполнившись неясным предчувствием.

⁶ Да (*фр.*).

– На английский это переводится как «моя прелесть».

– Ох, ладно, – шепнула я, не в силах отвести взгляд от этих золотисто-карих глаз.

– Проголодалась? – спросил он, мило раскатывая «р».

Я кивнула. Чувствуя, как пересыхает во рту, я следила за тем, как Алек встает, выходит на кухню, приносит тарелки и столовые приборы, а потом садится в опасной близости от меня. Боком он вплотную прижался ко мне. Если бы я отодвинулась, он не мог бы этого не заметить, а мне не хотелось снова производить плохое впечатление на нового клиента – так что пришлось терпеть тепло его тела. И его запах. Этот запах грозил довести меня до гибели. Смесь свежей краски и «Хьюго Босс». Я была знакома с этим ароматом только потому, что однажды работала в парфюмерном магазине в одном из супермаркетов Вегаса. Мне приходилось разбрызгивать кучу всякой фигни. Так много, что под конец дня я пахла как мешочек с ароматической смесью. У «Хьюго Босс» был вкусный мужской запах, проникавший прямо в ноздри и, как стрела, поражающий теплое местечко у меня между ног.

Сделав усилие, я попыталась немного отстраниться. Алек просто оглянулся на меня и подмигнул, продолжая раскладывать по тарелкам чоу мейн и кунг пао.

– Надеюсь, тебе нравится китайская еда? – сказал он, протягивая мне тарелку.

Жадно схватив блюдо, я поднесла его к лицу, закрыла глаза и вдохнула божественный аромат: смесь исходящего аппетитным паром цыпленка, специй и лапши. Еда пахла так великолепно, что рот у меня наполнился слюной, и я со стоном вождения набросилась на свой ужин. Подняв голову, я обнаружила, что Алек, вместо того чтобы наполнять собственную тарелку, уставился на меня. Я чуть не подавилась: эти глаза так и горели откровенным желанием. Француз даже не пытался его скрыть.

– Ты потрясающе красива.

Он прикоснулся к моей щеке, затем обхватил ее ладонью. Я невольно прижалась к его ладони еще сильнее, упрочив наш контакт. Прошло всего несколько дней, но мне уже не хватало мужского прикосновения. Алек провел большим пальцем по моей нижней губе, после чего хрипло произнес:

– Tu es le cadeau de Dieu au monde.

– Что это значит?

– «Божий дар этому миру». Вот что ты такое. И я хочу дать шанс каждому упиться этим даром.

Дар. Алек считает, что я дар этому миру. Прекрасный дар.

Ответить я не смогла. Ни тогда, когда он отставил в сторону собственный ужин. Ни тогда, когда забрал у меня тарелку и поставил ее на стол. Ни тогда, когда он наклонился вплотную ко мне, так, что между нами осталось всего несколько сантиметров. Но я сумела ответить, когда мои окончательно спекшиеся мозги зарегистрировали его поцелуй.

Теплый, мягкий и сладкий. Его губы скользнули по моим, после чего Алек втянул в рот мою нижнюю губу и провел языком по чувствительной коже. Дальше зайти он не успел, потому что я схватила его за шею и притянула к себе. Мои пальцы погрузились в его шевелюру и наткнулись на резинку для волос. Ну уж нет. Я потянула за нее с такой силой, что резинка порвалась, и густые, пропитанные ароматом лимона пряди волнами рассыпались по моему лицу вдоль щек, скрыв наш поцелуй за завесой его великолепных волос. Алек, взяв меня за подбородок, развернул мою голову. Его язык скользил у меня во рту, внутрь и наружу, постигая, что меня заводит, что заставляет стонать и кусаться. Так я и сделала. В смысле, укусила. Я принялась покусывать его губы, словно голодный зверь – кусок мяса. Кажется, это его не смутило. В какой-то момент, я почти уверена, он зарычал – да, зарычал – не отрывая своих губ от моих и делая поцелуй все глубже.

Мое тело звенело от возбуждения, и я напряглась, желая притянуть Алека как можно ближе, нуждаясь в этом. Но когда я попыталась откинуться на кушетке, чтобы он мог лечь

на меня, Алек отодвинулся. Прижавшись лбом к моему лбу, он шепнул: «*Très jolie fille*»⁷ – на языке, который быстро превращался для меня в самый зажигательный стимул. Не то чтобы раньше я была равнодушна к французскому, но после того как губы Алека касались моих губ, а язык хозяйничал у меня во рту, его слова ласкали меня с той же уверенной легкостью, с какой, как мне казалось, ласкали бы его руки. Жадно, пылко, умело.

– Успокойся, *chérie*⁸, – проворковал он, и его голос бальзамом пролился на пожар у меня внутри. – У нас будет масса времени для того, чтобы познать друг друга физически. Я хочу насладиться тобой, предвкушая твой сладкий вкус на языке, твою гладкую кожу под подушечками моих пальцев, твоё тело у меня на холсте.

Я отстранилась, и наши взгляды встретились.

– Ого, – сказала я, прикусив губу и сглотив.

Алек ухмыльнулся.

– Я полагаю, что «ого» – это очень мягко сказано. Давай поедим. Нам надо познать друг друга на всех уровнях. Только после этого физическое выражение нашего союза будет столь сладким.

Алек Дюбуа, определенно, был загадочным типом. Кто вообще так говорит? «Физическое выражение нашего союза»? Возможно, он провел слишком много времени за чтением «Спроси Дживса» по Сети.

– Ты странный парень, – заявила я, после чего схватила тарелку, водрузила себе на колени и закинула в рот огромную порцию лапши.

Просто божественно! Почти так же хорошо, как наш поцелуй пару секунд назад.

Алек запрокинул голову и расхохотался. Видите, стопроцентно странный чувак.

Взяв в руки свою тарелку, Алек нагрузил ее едой и откинулся назад, вытянув ноги и положив рядом с моими на оттоманку. Затем он повернулся и взглянул на меня.

– Ох, сладкая моя, ты и не догадываешься, насколько, но скоро узнаешь. А теперь давай есть.

⁷ Очень красивая девушка (*фр.*).

⁸ Дорогая (*фр.*).

Глава вторая

Вечером, после того как я до отвала налопалась лучшей в своей жизни китайской еды, Алекс на руках отнес меня в спальню и уложил на собственную кровать. Насколько я могла судить, другой комнаты в этом перестроенном складском помещении у него не имелось. Несмотря на это, Алек не считал само собой разумеющимся, что мы будем спать вместе, даже после нашего поцелуя. За что ему причиталась моя вечная благодарность. Этот вечер я хотела провести наедине с собой, для того чтобы сориентироваться в новом для меня мире.

Сложно было привыкнуть к тому, что я уже не в доме Уэса, спрятанном в холмах Малибу, не в своей уютной постельке из белых облачных кружев. Нет, меня уложили на твердую, хотя и удобную двуспальную кровать, и теперь вокруг были холодные тона и ткани. Приглушенный голубой, пепельно-серый и несколько вклинившихся между ними пятен темно-синего. Кровать стояла на невысокой платформе. У нее было крепкое деревянное изголовье и никакого изножья, зато куча подушек, позволявших расположиться максимально комфортно. Мебели тут почти не было. Полированный приземистый комод с пятью ящиками и две прикроватных тумбочки, одна с лампой, вторая со стопкой книг. Проглядев названия, я заметила, что несколько из них на французском. На некоторых даже была библиотечная печать с номерами и кодом. Вероятно, французик любил чтение и завел себе библиотечную карточку. Это почему-то заставило меня внутренне улыбнуться.

Пока что Алек вел себя в основном по-джентльменски. Он не отправил меня на выход с вещами после того, как я вывихнула лодыжку, и со вчерашнего ужина, казалось, надышаться на меня не мог. Несмотря на то что француз выглядел занятым человеком, стоило ему взглянуть на меня, по-настоящему взглянуть, как все его мысли и чувства сосредоточивались на мне. Девушке легко пристраститься к такому взгляду – словно мир вокруг нее перестает вращаться. И потом, конечно, тот поцелуй. Когда я вспоминала его теплые губы, по телу бежала дрожь возбуждения. А его язык, абсолютно точно знающий, где надо щекотать и подразнивать, оказался приятным сюрпризом. То, что он вообще поцеловал меня, тоже было сюрпризом, но не таким большим. В смысле, этот парень провел немало времени в моем личном пространстве. Он лапал меня за один день больше, чем кто-либо другой, включая Уэса, – а я знаю, что Уэсу *действительно* нравилось прикасаться ко мне.

Уэс.

Нет, не позволю себе думать об этом. Мы договорились, что останемся друзьями, и будем отталкиваться от этого. Он знает, что я должна сделать то, что должна, ради спасения своего отца, и знает, что я не намерена все это время воздерживаться. Просто я не такая. Стоило мне распробовать этот жар, ту страсть, что показал мне Уэс, и я уже начала желать ее. Она стала мне необходима. Без нее я чувствовала себя обделенной. Наверное, это как отлепить пластырь – секунду воешь от боли, и все. Готова запрыгнуть на нового ковбоя и скакать, если можно так выразиться. Именно это я и собиралась сделать. Между мной и Алексом, несомненно, возникло притяжение, та самая сексуальная химия. Если судить исключительно по его языку, мистер Дюбуа должен быть очень хорош в постели, а, исходя из его слов, он тоже не сомневается, чем все дело кончится. Время поразвлечься. Насладиться жизнью.

В какой-то момент ночью Алек поставил мои костыли у стены рядом с кроватью. Осмотревшись, я запрыгала к небольшому шкафу, чтобы подобрать себе одежду. Однако на вешалках висели только мужские костюмы. Ничего кружевного, легкомысленного или розового в поле зрения. Ха. В моем контракте значилось, что клиент обязан снабдить меня соответствующим гардеробом на тот месяц, что я проведу у него. *И куда же он запихнул все мое тряпье?* Я методично выдвинула все ящики комода и изучила их содержимое. Мужские боксеры, носки, пижамные штаны, футболки и джинсы. Для меня ничего.

Мою сумку тоже доставили прошлым вечером, так что я вытащила из нее пару чистых джинсов и фирменную футболку Radiohead. Вспоминая те времена, скажу, что мы с Джинель так колбасились и орал на том концерте, что на следующий день потеряли голос. Но нам было плевать – Том Йорк невероятно талантлив, и, когда группа вроде Radiohead приезжала в Вегас, я готова была добыть билеты любой ценой.

Одевшись, я натянула один кроссовок, оставив вторую ногу в бинтах и носке. На верхней ступеньке лестницы я уселась на задницу, отправила костыли вниз в самостоятельное путешествие и начала сползать, опираясь на руки и ягодицы, чтобы не потревожить лодыжку. Весьма увлекательный процесс.

– Эй! Я бы помог тебе спуститься, *ma jolie!* – вознегодовал Алек, обходя барную стойку и направляясь ко мне.

У меня отвисла челюсть. На Алеке были только широкие пижамные штаны. Его грудь, покрытая золотистым загаром, с рельефными мускулами, была выставлена на всеобщее обозрение. Истинный пир для глаз. Его длинные волосы падали на плечи чудесными волнами каштановых, рыжих и золотистых тонов. Он шел ко мне как в замедленной съемке. Когда Алек наклонился и помог мне встать и опереться на костыли, литые мышцы на его животе напряглись. Я обняла его за талию и не ощутила под пальцами ничего, кроме жил и мускулов.

Ох, мать божья, ну я и вляпалась.

Когда мы разобрались с костылями, он подвел меня к табурету, стоявшему у барной стойки. Убедившись, что я комфортно уселась, Алек развернулся – и у меня перехватило дыхание. В эту секунду он как раз оглянулся и, перехватив мой взгляд, понял, на что я пялюсь, чуть ли не исходя слюной. Слева у него по спине, начиная с лопатки и переходя на ребра, вилась гигантская черная татуировка. Целый вихрь французских слов.

– Твоя татуировка... она...

От восторга я почти утратила дар речи.

– Она... прекрасна, – наконец-то выдавила я.

Алек подошел к плите, ловким движением фокусника разбил одной рукой два яйца и вылил их на сковороду. На секунду меня посетило искушение научиться у него этому трюку, пока наш месяц вместе не закончился.

– *Merci*⁹, – ответил он, разбивая на сковородку еще пару яиц.

Рядом с яйцами, на другую сковородку, он бросил несколько полосок бекона. Бекон немедленно начал шипеть и скворчать.

– Что это значит?

Алек заложил за ухо выбившуюся прядь волос, продолжая без всякого стеснения курсировать по кухне полуобнаженным. Я любовалась его телом и грацией движений, пока он снимал с крючка многоцветную керамическую кружку и наполнял ее кофе.

– Это стихотворение Жака Превера, французского поэта. Он написал его в 1966.

Тут Алек кивнул на кружку с кофе, стоявшую перед ним.

– Сливки или сахар?

– И то и другое, пожалуйста, – ответила я.

Он заправил мой кофе, поставил кружку передо мной и вернулся к плите, чтобы перевернуть яйца и бекон.

– Можно спросить, о чем это стихотворение? – сказала я, отхлебывая кофе и пытаясь спрятаться за огромной кружкой.

Алек облизнул губы, прислонился к барной стойке и скрестил босые ноги. Боже, ну и красавчик же этот мужчина! Уэс был привлекательным парнем, но этот просто супер. Они казались полными противоположностями. То, что у Уэса было светлым, у Алека – темным,

⁹ Спасибо (фр.).

и наоборот, и так до мельчайших деталей, вплоть до темных волос, усов и бороды Алека по сравнению с чисто выбритым, но порой чуть шершавым подбородком Уэса.

– Это отрывок стихотворения, посвященного людям, рассматривающим картины Витольда. Оно переводится примерно так:

Загадка обычных людей,
Изображенных с любовью в тиши их жизнью
И в навязчивом уличном шуме.
Ты следишь за их движеньем,
Но видишь их лишь со спины
И, подобно им,
Сам подставляешь лишь спину взглядам
других посетителей,
Что займут твое место пред рядом картин.

– Его стихотворение напоминает мне о том, что множество людей будет смотреть на мои работы и порой их впечатление будет зависеть от других зрителей, рассматривающих те же картины. Это влияет на то, что они видят. Поэтому современный взгляд на искусство таков: человек, стоящий перед картиной, становится ее частью.

Пару секунд я раздумывала над тем, что он сказал.

– Глубоко копаешь.

Алек покачал головой и улыбнулся, после чего выложил бекон и яйца на тарелки и уселся напротив меня.

– Ешь, *ma jolïe*. Нам предстоит целый день работы в лофте.

– Кстати о целых днях, где моя одежда? – спросила я с полным ртом яичницы.

Перегнувшись через стол, Алек запустил зубы в кусок бекона. Услышав мой вопрос, он нахмурился.

– Какая одежда?

– Одежда, – я сделала размашистый жест рукой. – Ну, то, в чем ты хочешь меня видеть, пока я здесь. Предполагается, что ты снабдишь меня...

Я замолчала, не завершив фразу. Мне было неловко говорить о нашем контракте. Алек ухмыльнулся широкой улыбкой кота, сожравшего канарейку, после чего уперся руками в стол и наклонился ко мне.

– *Ma jolïe*, никакой одежды для тебя нет, потому что в мои планы не входит видеть тебя в одежде. Ты – моя муза, и я хочу любоваться твоим телом, всему его углами и изгибами, насколько это в человеческих силах.

Я моргнула, открыла рот, закрыла его и снова моргнула. Он же не всерьез?

– Ты хочешь, чтобы я рассказывала голышом? Все время?

– *Oui*, – просто ответил он, словно вся тяжесть мира не заключалась в этом вопросе, как это было для меня.

– *Oui*? И это все, что ты можешь мне сказать?

Я бросила вилку, громко звякнувшую о тарелку.

– Ты полагаешь, что я стану рассказывать тут, – мои руки снова взлетели в воздух, – без единого клочка ткани на теле?

Алек опять нахмурился.

– Ты стесняешься своего тела, *ma jolïe*?

– Черт! Я просто не верю своим ушам, – вспылила я, потряхнув головой и скрестив руки на груди. – Нет, я не стесняюсь своего тела, ну, почти нет. Конечно, скинуть пару килограм-

мчиков мне бы не помешало, но я не знаю ни единого человека, который чувствовал бы себя свободно, разгуливая весь день в чем мать родила.

– Хм-м, тогда у нас есть небольшое затруднение. Но уверен, мы с этим справимся. Закончи свой завтрак, нам надо спуститься в лофт. Я хочу сделать несколько твоих фотографий до того, как изменится свет, а потом начнем работать с краской.

Закинув в рот последний кусок еды, он подошел к раковине, сполоснул тарелку и поставил ее в посудомойку.

– Пойду соберусь. Остальное обсудим позже, oui?

– Oui, – ответила я нарочито-саркастическим тоном.

Алек покачал головой и метнулся к лестнице. Не прошло и секунды, как он схватил одежду и галопом проскакал к ванной. Еще через пару мгновений я услышала, как шумит душ и натужно гудят древние складские трубы, не справляющиеся с нагрузкой.

Он хотел, чтобы я ходила голой все время. Станный тип, как я и думала. Я закатила глаза и сжала зубы. Он даже не удостоил меня нормальным ответом – просто сказал, что у нас затруднение, ловко сменил тему, а затем смылся. Второй день, похоже, грозил стать не лучше первого. Правда, я видела прекрасное тело Алека полуголым. Это было приятно и, несомненно, давало второму дню преимущество над первым, с его постыдным падением. Но хотя поцелуй прошлого вечера и мог задать жару сегодняшнему идиотизму «я-хочу-чтобы-ты-все-время-была-голой», нагишом я расхаживать не собиралась. Это никоим образом не входило в мой контракт, и я ни на что такое не подписывалась. В самолете я тщательно перечитала контракт, и в нем нигде не было сказано: «Миа добровольно соглашается весь месяц разгуливать абсолютно голой!» Психопат!

* * *

После завтрака Алек помог мне снова спуститься вниз, в свою студию.

– Значит, оба этажа твои? – спросила я, хромая за ним по мастерской.

К моему удивлению, здесь крутилось всего несколько человек, хотя было уже восемь утра. Может, у них был не обычный рабочий день, длящийся с восьми до пяти?

– Да, это моя мастерская, а на другом этаже, как тебе известно, моя квартира. Мне нравится работать близко к дому. Иногда я провожу здесь всю ночь до утра. По завершении рабочего дня я не хочу ехать через весь город. А так мне надо всего лишь немного подняться на лифте.

Я кивнула.

– Логично. А где все? – сказала я, плюхаясь в кресло, которое мне пододвинул Алек.

Перед нами на ярко освещенном участке стены висели два пустых холста. Первый был примерно двух метров в ширину и полутора в высоту. Второй, наоборот, в высоту около двух метров и порядка полутора в ширину. То есть холсты были примерно одного размера, только одно полотно горизонтальное, а второе вертикальное.

– Сегодня займемся творческой частью. Для этого мне не требуется много помощников. Только ты, мой фотоаппарат и краска, и все это сейчас передо мной.

– Круто.

Я огляделась.

– Так что же я должна сделать?

– Начнем с пробных снимков. Мне надо, чтобы ты встала перед горизонтальным полотном.

Он помог мне подняться, после чего подхватил на руки и дотащил до другого кресла, стоявшего у стены. На полу под моей вывихнутой лодыжкой лежала подушка. Алек поставил меня рядом с креслом так, чтобы я могла опираться на его спинку.

– Подушка на тот случай, если тебе придется опустить ногу на пол. Не хочу, чтобы ты поставила ее на твердый бетон и повредила еще больше. Это должно помочь, oui?

Я широко улыбнулась.

– Да, спасибо, Алек. Просто делай то, что собирался делать. Я в порядке, мне совершенно удобно, – завершила я его.

Он походил вокруг, затем подошел к треножнику и подправил свет.

– Ладно, теперьними футболку. Пока что можешь оставить нижнее белье на себе. Мне надо видеть только очертания твоих плеч, рук и шеи, верхней части тела.

Глубоко вздохнув, я прикусила губу, стянула футболку через голову и отбросила ее в сторону.

– Ладно, французик, но это будет тебе дорого стоить, – предупредила я.

– Я прекрасно осведомлен о цене вопроса, – отозвался он из-за камеры.

В ту же секунду, когда я сняла футболку, фотоаппарат начал щелкать.

Я застыла, как статуя, в своем черном кружевном лифчике. Он прятал все, что можно, открывая не больше тела, чем верхняя часть бикини, но я все равно нервничала. В последние годы я немного играла и надеялась сыграть еще больше ролей, но моделью никогда не работала. Не думала, что у меня для этого подходящая фигура.

– Impressionnant¹⁰, – бормотал Алек по-французски.

Это прозвучало как комплимент, так что я держала язык за зубами, не мешая художнику работать.

– Ты прекрасно справляешься, – сообщил он.

Я негромко фыркнула.

– И как же мне это удастся? Я ничего не *делаю*, просто стою здесь.

– С твоей красотой этого вполне достаточно. К тому же это только пробные снимки – я проверяю позу, свет и все такое.

Еще несколько щелчков, и он подошел ко мне.

– Не устала стоять?

– Немного, – честно ответила я.

Балансировать на одной ноге оказалось трудней, чем я думала, хоть я и могла опираться на кресло.

Мы сделали перерыв, во время которого Алек принес мне воду и одеяло. Одеяло я использовала, чтобы скрыть свою наготу. Затем он снова заставил меня встать, но на сей раз пришлось опустить голову, взлохматить волосы и снова ее откинуть. Я повторила это несколько раз, пока Алек не остался доволен. Мне казалось, что шевелюра стала просто растрепанной и неопрятной, но, похоже, ему как раз нужны были растрепанные и неаккуратные волосы.

– У тебя просто идеальное сочетание цвета волос и кожи, *ma jolie*.

Алек подошел к столу и взял с него кисточку и небольшой тюбик краски вишнево-красного цвета.

– Ощущения будут немного необычные, но я хочу нанести эту краску тебе на губы. Она не токсична.

– Конечно, если тебе это нужно. Ты же платишь.

Алек покачал головой и хмыкнул. Я улыбнулась, но затем выпятила губки, и он аккуратно нанес на них краску. Она ярко блестела, и губы стали словно пластмассовые. Закончив, Алек еще пару раз взлохматил мои волосы и вернулся обратно к фотоаппарату.

– А теперь, Миа, подумай о чем-нибудь печальном. О чем-то, что ранит тебя... очень сильно. Может, даже о чем-то, чего тебе не хватает, oui?

¹⁰ Впечатляюще (*фр.*).

Мне не хотелось портить грим на губах, так что я просто уставилась в пространство и вспомнила Уэса. Что он сейчас делает? С кем он? Скучает ли обо мне? А что, если он стоит полураздетым перед другой женщиной? Эти мысли были слишком мучительны, так что я попыталась переключиться на что-нибудь другое. Лишь богу известно почему, но я подумала о своем отце. Я не видела его уже целый месяц. Он все еще оставался в коме, и его дочь не сидела с ним рядом. Эта мысль поразила меня в самое сердце.

– Миа! – резко сказал Алек, и я обернулась так быстро, что заморгала.

Одинокая слеза скользнула вниз по щеке. Камера щелкнула.

– Готово, – мягко произнес Алек.

Я быстро вытерла оставшиеся слезы, почти уже готовые пролиться.

– Мы закончили?

Мой голос сорвался, и Алекс протянул мне кусок влажной ткани.

– Да, с этой частью проекта закончили. Можешь смыть краску и отдохнуть. Я принесу твою футболку.

– Спасибо, – шепнула я, чувствуя, что слегка покраснелась и сильно разволновалась.

После того как мы завершили работу и я оделась, мы с Алеком сели рядом, глядя сквозь одно из ветхих окон на улицу Сиэтла внизу. Легкий дождик застучал по асфальту, и прохожие ускорили шаг, чтобы не промокнуть.

– А что это за картина, над которой ты сейчас работаешь?

– Ты имеешь в виду, как она называется?

Я кивнула, но не сказала ни слова, продолжая глядеть на мокрую мостовую.

– «Нет любви для меня».

Ну конечно же. Это, мать вашу, должно стать лейтмотивом моей жизни.

– Я готова вернуться к работе.

Алек снова подвел меня к холсту. В тишине я сняла футболку, взлохматила волосы и встала в нужную позу.

Наконец я нарушила молчание.

– И что дальше? – спросила я, вновь собравшись.

– Мы, конечно же, находим твою любовь.

Глава третья

Третий день в обществе Алека снова застал меня в студии. Прошлым вечером мы вернулись после съемки пробников в, казалось, миллионах чуть различающихся поз. Мы даже пропустили обед – очевидно, когда является муза, надо использовать ее визит на полную катушку. Но, говоря объективно, если вы – гетеросексуальный мужчина и находитесь в обществе полураздетой женщины, вполне логично допустить, что муза пойдет вразнос. Все мужчины – свиньи, так или иначе. Просто этот прикинулся сексуальным художником-французом.

Однако должна признать, что я была полностью за. Мне так и не терпелось запустить руки... да куда угодно. В его шевелюру, особенно в его шевелюру. Длинные волны цвета темной охры и золота, идеальным каскадом падающие на его плечи. Высокая, мускулистая фигура с тонкой талией заставляла меня исходить слюной уже вторые сутки подряд. К несчастью для меня, Алек был законченным трудоголиком. Закончив дела в мастерской и поднявшись к нему, мы поужинали пиццей, а потом он снова спустился в студию, чтобы поработать над образом, который мы создавали сегодня. Он даже не вернулся наверх до того, как я улеглась в одиночестве в постель... опять. Меня бесило, что он даже не пытался никак ко мне подкатиться, не считая того единственного поцелуя. Я была на взводе и вполне созрела для того, чтобы совершить следующий шаг. Мне надо было сорвать этот пластырь, если можно так выразиться. Перестать думать о Уэсе и доске для серфинга на кольце с ключами, где висел ключ от его входной двери и его сердца.

Сегодня Алек не ждал меня на кухне. Я сползла по ступенькам на заднице, искренне полагая, что он уже встал и готовит мне завтрак, как вчера. А вот и нет. Вместо этого я обнаружила записку, написанную его наклонным мужским почерком и лежавшую рядом с кофейником. Она гласила:

Ma jolie,

Встретимся внизу, когда будешь готова. У нас много работы.

A

Я съела банан, выпила кружку кофе, после чего проковыляла на костылях к лифту и спустилась в мастерскую. Сегодня там было намного оживленней, чем вчера. Опять вокруг сновали несколько людей в черном, делающих то и это и щелкающих камерами – возможно, они снимали те самые скучные пробники. Я была рада, что Алек сделал мои пробники лично. Так, по крайней мере, я могла с кем-то поговорить. У людей в черном, определенно, был пунктик насчет разговоров с моделями. Каждые несколько минут я слышала «ш-ш-ш-ш», или «тише», или «помолчите» с разных концов комнаты. Хотя все это выглядело очень странно, было интересно понаблюдать за внутренней кухней всемирно известного художника и узнать, как он оттачивает свою живопись и управляет подручными, занятыми грязной работой.

– Наконец-то ты здесь, – пропыхтел один из людей в черном, подбегая ко мне.

Он схватил меня за руку и потащил за собой быстрее, чем позволяли мои костыли.

Пока я пыталась поспеть за ним, резинка на конце костыля угодила в проволоку, тянущуюся по бетонному полу. Костыль задел провод под неудачным углом, так что я качнулась вперед и чуть не налегла всем своим весом на больную ногу. Я опасно зашаталась, но умудрилась удержаться от падения, балансируя на костылях. Ну все! С меня хватит. Основательно разозлившись, я вырвала руку у ассистента.

– Предупреждаю тебя, чувак. Если не перестанешь тащить меня за руку, я загоню этот костыль тебе в зад. Я тебе не собака на поводке.

Наставив на ассистента костыль, я многозначительно поводила им перед лицом этого парня.

– Отвали.

– *Que se passe-t-il?*¹¹ – громко сказал кто-то у нас за спиной.

Там, уперев руки в бока, стоял Алек. Черты его лица исказились в сердитой гримасе. Он выглядел смертоносно, словно лев, готовый наброситься на добычу.

– Что все это значит? – в конце концов спросил он по-английски.

– Мистер Дюбуа, ваша модель нерасторопна, и вы ожидали ее уже час назад, – ответил его подручный.

Час назад? Как бы не так! Если ему хотелось, чтобы я встала рано, он должен был поставить будильник или, может, найти более интересный способ меня разбудить. Но поскольку он этого не сделал, виноватой я себя считать была не намерена.

– *Imbécile*¹², – проворчал Алек достаточно громко, чтобы услышали мы двое, но недостаточно для постепенно собиравшейся вокруг нас кучки зрителей. – У тебя что, плохое зрение?

Ассистент сморщил нос и отдернул голову.

– Зрение? В смысле могу ли я видеть?

– Ты что, заодно и глухой?

На сей раз мужчина решил оскорбиться.

– Послушайте, мистер Дюбуа, вы сами сказали, что модели должны следовать правилам, в том числе приходить вовремя. А она опоздала, сильно опоздала. На целый час. Я просто пытался поторопить ее...

– Достаточно. Ты, – Алек указал на этого доходягу, – идиот. Ты что, не видишь, что у нее повреждена нога и она не способна бегать на костылях?

– Я просто пытался...

– *Assez!*¹³ Нет. Закрой рот, прежде чем выроешь себе такую глубокую яму, что уже не выберешься из нее, – проскрежетал Алек.

Он оглядел комнату и поднял руку.

– Так, все, кто меня слушает, а я знаю, что вы слушаете...

Несколько людей отвели глаза, словно хотели скрыть тот факт, что все их внимание было приковано к нам.

¹¹ Что происходит? (фр.)

¹² Придурок (фр.).

¹³ Достаточно! (фр.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.